

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

М Е М У А Р Ы

Викинг Йерк

ПОСЛЕДНИЕ БОИ ДИВИЗИИ «НОРДЛАНД»

**ШВЕДСКИЙ ПАНЦЕРГРЕНАДЕР
НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ**

1944—1945

Викинг Йерк
Последние бои дивизии
«Нордланд». Шведский
панцергренадер на Восточном
фронте. 1944—1945
Серия «За линией фронта. Мемуары»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68500929
Последние бои дивизии «Нордланд». Шведский панцергренадер на
Восточном фронте. 1944—1945 / Викинг Йерк, Пер. с нем. А.Л.
Андреева: Центрполиграф; Москва; 2014
ISBN 978-5-9524-5130-8

Аннотация

Поступив добровольцем в 5-ю танковую дивизию СС «Викинг», юный член шведской фашистской партии Эрик Валлин уже в составе 11-й панцергренадерской дивизии СС «Нордланд» прошел от Курляндского котла до Берлина и после войны под псевдонимом Викинг Йерк описал события на Восточном фронте в последние месяцы войны. В книге автор, явно подверженный действию геббельсовской пропаганды, одновременно эмоционально и жестко рассказывает о своем

восприятии противника, о боевых действиях, в которых участвовал, о своем пленении и бегстве на родину.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Викинг Йерк
Последние бои дивизии
«Нордланд». Шведский
панцергренадер
на Восточном
фронте. 1944—1945

Серия «За линией фронта. Мемуары» выпускается с 2002
года

Wiking Jerk

ENDKAMPF UM BERLIN

MIT DER WAFFEN-SS VOM KURLANDKESSEL BIS
ZUM ENDKAMPF UM BERLIN

Москва

ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2014

© ЗАО «Центрполиграф», 2014

На карте проставлены города, с которыми связаны боевые действия Эрика Валлина, в частности Штеттин, Альтдамм, Шведт, Кюстрин и, конечно, Берлин.

Глава 1

Канун нового года, 1944-1945

В составе группы армий «Север», куда входили 16-я и 18-я армии, III (Германский) танковый корпус СС под командованием обергруппенфюрера СС Феликса Штейнера, был отрезан от главных сил вермахта в Курляндии. Морской порт Либав (Лиеная)¹ имел жизненно важное значение для окруженной группировки. С середины октября танковый корпус Штейнера в составе 11-й моторизованной дивизии СС «Нордланд» и 23-й моторизованной дивизии СС «Нидерланд» удерживал участок фронта на рубеже Преекулън (Прекуле) – Пурмсати – Скуодас.

Основной оборонительный рубеж проходил вдоль железной дороги через развалины Пурмсати и поселок Бункас. По одну сторону от железнодорожного пути занимали позиции солдаты СС, а по другую – бойцы Красной армии. Примерно в одном километре к северу от Пурмсати лежит поселок Бункас. Временами было очень холодно. Случалось, что порой температура опускалась ниже 30 градусов по Цельсию.

---

¹ До 1795 г. Либав, в 1795–1917 гг. Либав, позже Лиеная. (Здесь и далее примеч. ред.)

Мы сидели в укрытии вокруг грубо сколоченного стола, играли в карты и слушали новогодние поздравления по радио от представителей командований различных родов войск. Можно было настроить приемник и на рождественские мелодии. Мы, как могли, украсили наш бункер, готовясь к встрече Рождества. Здесь была рождественская елка, благоухавшая свежей хвоей, наряженная мишурой и разными мелкими безделушками, которые мы получили недавно в посылках полевой почты. В канун Нового года здесь царила почти домашняя обстановка, насколько это вообще было возможно во временном подземном убежище. Грубые обветренные и обмороженные руки солдат осторожно и бережно, почти с молитвенной торжественностью трогали этот доставшийся нам один на всех рождественский подарок. Мы все еще так любили эти дни между Рождеством и Новым годом.

На плите стояло несколько консервных банок с дымящимся глоггом, нашим северным вариантом английского напитка из вина, куда добавлялись пряности. Время от времени каждый из солдат делал глоток из одной из предварительно тщательно вымытых банок. Мы наслаждались тем, что можно было выкурить несколько сигарет, заботливо выделенных нам на Рождество. Кроме сигарет, в рождественских посылках были сладости и печенье. Время от времени по грубой поверхности стола хлопали игральные карты. Тихие звуки мелодий по радио лишь изредка прерывались специфиче-

скими комментариями игроков или громким храпом одного из наших товарищей, сменившихся в карауле и теперь забывшихся прямо на полу тяжелым сном солдата-фронтовика.

Тут раздался зуммер вызова полевого телефона. Звонил командир роты. Он хотел переговорить со мной относительно запланированной на следующий день корректировки огня. Огонь наших минометов нужно было перенацелить на новые объекты на позициях противника. Командир приказал мне выдвинуться на ближайшую к противнику передовую позицию, которая располагалась за поселком, и попытаться рассмотреть на местности участок, куда утром будет направлен огонь моих минометов.

Мои карты забрал себе один из товарищей. Я надел зимний маскировочный костюм, захватил подсумок с магазинами для автомата и водрузил на голову покрашенный белой краской стальной шлем. Перед выходом сделал добрый глоток глогга из своей банки на плите и в последний раз бросил взгляд вокруг. Блиндаж вдруг показался мне таким теплым, уютным и комфортным, даже с его утоптаным земляным полом. На частично обшитых деревом черно-коричневых стенах пляшущие огоньки рождественских свечей причудливо отражали расплывчатые тени солдат, рассеявшихся вокруг радио. С верным пистолетом-пулеметом МП-40 под мышкой я кивнул своим товарищам за столом, толкнул ногой окрашенную морозом в белый цвет дверь и вышел в

ночь.

Из-за серебряных контуров облаков появилась луна, свет которой покрыл все вокруг ослепительным ярким светом. В искрящейся белизне холодного мерцающего снега очертания всех предметов становились необычно резкими и острыми. Посеченные пулями и снарядами осколками деревья с расщепленными стволами и обрубленными ветками напоминали мне гротескные фигуры из сказок о домовых и других чудищах.

Поселок или небольшой городок, точнее, то, что от него осталось, выглядел еще более похожим на призрак, чем обычно. Покрытые снегом каменные или кирпичные развалины ничем не напоминали бывшие здесь когда-то улицы и дома. То тут, то там торчали лишь почерневшие от пожаров печные трубы, с которыми ничего не смог сделать даже огонь русской артиллерии и минометов. На укутанных снегом улицах вымершего поселка посреди развалин чернели беспорядочно разбросанные кратеры воронок. Это были следы дневного обстрела русской артиллерии. Артиллерийские снаряды пропахивали на земле борозды, но в местах попаданий мин, выпущенных из тяжелых 120-мм минометов, оставались большие круглые ямы; на снегу вокруг таких воронок лежали крупные комья черной земли.

В руинах, как казалось, не было никаких следов жизни. Но если бы последовал сигнал тревоги, предупреждающий об атаке противника, там сразу же выросли бы целые толпы

их «обитателей»: под землей, в подвалах, в развалинах домов, — солдаты были повсюду. Они пребывали в постоянной готовности занять свои места в траншеях, чтобы встретить большевиков убийственным огнем.

Таким был канун Нового, 1945 г. в Бункасе, нашем небольшом «гнездышке» в Курляндии, которое в своих руинах давало нам защиту от смерти, неминуемо грозившей каждому на открытых пространствах этой широкой равнины. Поэтому в нашей обороне этот участок получил обозначение *Hauptkampflinie*, или Главного оборонительного рубежа, всего Курляндского плацдарма. Отрезанные от любых коммуникаций с основной территорией Германии, мы стояли здесь наготове попытаться остановить яростное нашествие с Востока, из Азии².

После более трех лет борьбы на Востоке и почти двух лет безостановочного отступления наш боевой дух все еще не был сломлен. Мы выживали в тяжелейших условиях. Каждый день мои товарищи видели смерть и разрушение. И там, где обычный солдат потерял бы последние силы и остатки воли, наш боевой дух был с нами. Наша судьба вела нас к окончательной победе сметающей все на своем пути силы нашего оружия. Наша вера в собственное искусство сражаться была крепка, как никогда.

---

² Так автор называет освобождение Красной армией территорий, захваченных немцами в ходе вероломного нападения в 1941 г., т. е. нашествия с Запада. И далее шведский доброволец-эсэсовец будет демонстрировать штампы геббельсовской пропаганды.

Правда, каждый день мы слышали по радио, что англичане и американцы теснят наших товарищей на Западе все сильнее. Гигантские армады бомбардировщиков каждый день и каждую ночь сбрасывали свой смертоносный груз над немецкими городами, уничтожая людей и стирая с лица земли дома. Но мы знали и то, что значительная часть немецкой промышленности ушла под землю и поэтому была неуязвима с воздуха. Мы знали, что скоро в огромном количестве будет произведено еще более совершенное оружие, что всего несколько дней назад германские войска на Западе начали успешно наступать в Бельгии и Люксембурге. Вскоре ужасное давление численно превосходящего нас врага должно будет ослабеть. Нам нужно было всего лишь несколько месяцев передышки!

А потом мы нанесем им ответный сокрушающий все на своем пути удар, особенно здесь, в Курляндии. 11-я моторизованная дивизия СС «Нордланд» и другие войска, находящиеся на этом изолированном от всех острове сопротивления, выполняли чрезвычайно важную задачу. Своей стойкостью и твердостью перед яростными атаками Красной армии мы могли дать передышку для того, чтобы собрать резервы, которые уже готовились и спешно вооружались в Германии.

У двери я выбросил свою сигарету, огонек которой был смертельно опасным. Блиндаж минометчиков находился примерно за триста метров от передовой в тылу. Командир роты занял подвал здания, в котором когда-то располагалась

железнодорожная станция. Он приказал мне сначала зайти к нему, чтобы получить последние указания. На самом деле туда было довольно далеко идти, однако всю дорогу я мог чувствовать себя в безопасности от наблюдения противника. Сдвинув подсумок набок, я крепче перехватил автомат и отправился в путь. Походя я пнул застывшее мерзлое тельце мертвой крысы с отвратительно оскаленными передними зубами. В Бункасе было множество таких огромных жирных крыс.

Множество ругательств, скорее всего, срывалось с уст шведов, немцев, датчан, норвежцев, а позже, наверное, и русских здесь, над развалинами Бункаса. То же самое делал и я, спотыкаясь на замерзших камнях по пути в бункер командира роты. К счастью, мне не приходилось опасаться здесь русских снайперов, которых на нашем участке было много. Следовало беречься только огня артиллерии и минометов. Но, скорее всего, они тоже праздновали канун Нового года, и все в этот момент было тихо и спокойно. Уже с ноющими коленями я добрался до защитной стены примерно в двадцати метрах от бункера командира роты. Между стеной и входом в сам бункер пространство было открытым и незащищенным. Вчера Иванам удалось взять небольшой холмик по другую сторону низкой насыпи вдоль железной дороги. Оттуда они всегда могли накрыть этот открытый участок пулеметным огнем. Согнувшись, я побежал через открытый участок и, едва успев достичь спасительной двери в бункер, услышал

треск пулеметной очереди. С противным визгливым «пением» и свистом пули били в стены и кучи камней. А еще дальше, за руинами, они, отрикошетив, уходили в воздух.

После того как я доложил командиру роты, который в этот момент играл в шахматы, о прибытии, мне разрешили немного отдохнуть в этом уютном тепле. Командир роты был моим соотечественником, он имел звание оберштурмфюрера, и его звали Ханс Гёста Перссон, или просто ГП. Отчасти боевая стойкость войск СС достигалась за счет суровой дисциплины, даже в повседневной службе на фронте, которой можно было добиться только в обстановке истинного товарищества старших командиров и их подчиненных. Здесь солдаты чувствовали себя в еще более «домашней» обстановке, чем в блиндаже минометного расчета. Уюта добавлял и настенный плакат, который по странной случайности сопровождал нас весь путь до самой дальней достигнутой точки на Востоке, с надписью: «Наш дом дороже золота».

Не отрываясь от шахмат, командир отдавал мне распоряжения. Они касались необходимости покончить с «беспокойной» пулеметной позицией перед нами. Наши минометы должны были уничтожить любого солдата Красной армии, который осмелился бы туда отправиться. Командир роты налил мне шнапса из бутылки с этикеткой Steinhager, чтобы, как он сказал, «я смог согреться», после чего я отправился вести наблюдение. Проход между траншеями вывел меня к двум солдатам-пулеметчикам на передовой позиции. Ве-

лась жуткая стрельба, и я, естественно, поинтересовался, что происходит.

— О, они просто стреляют в небо, чтобы отпраздновать канун Нового года, а нам приходится отвечать.

К этому моменту безумная стрельба распространилась по всему нашему участку фронта. Треск очередей стрелкового оружия раздавался с обеих сторон.

— Похоже, они там, на той стороне, все напились, — заявил один из пулеметчиков, — послушай, как они галдят!

По другую сторону от железнодорожной насыпи, всего в пятидесяти метрах от позиции нашего пулемета, находилась передовая позиция большевиков, которую они занимали только по ночам. Иногда они имели обыкновение подкрадываться оттуда ползком к нашей позиции, а затем атаковать ее, бросая ручные гранаты. Днем у них там никого не было.

Слышались какие-то звуки, совершенно необычные для ночи на фронте. Кто-то играл на губной гармошке, а другие, как мы слышали, довольно громко разговаривали. Через какое-то время стрельба несколько утихла, а вскоре совсем прекратилась. Даже находившиеся навеселе большевики наконец замолчали. Я мог продолжить свои наблюдения и расчеты в мире и спокойствии.

Погода была на моей стороне, так как облака, которые время от времени ветер надувал к линии фронта, прикрывали меня, когда я выбирался, чтобы посмотреть на окрестности, что обычно хорошо освещались ярким лунным светом. Же-

стоко изрытая земля была тиха. Эту тишину лишь иногда нарушало металлическое лязганье, когда чье-то оружие ударялось о препятствие, или негромкое бормотание со стороны противника. Не было слышно даже обычных звуков двигателей тыловых колонн, которые стали привычными в ночное время, ни громохання танков. То там, то здесь лишь вдруг в небе возникали отблески, которые несколько мгновений горели ярким светом над пустынной растерзанной землей. Вот таким был Новый год на фронте!

Прекрасное зрелище задержало меня на переднем крае уже после того, как я выполнил приказ своего командира. Под влиянием тишины и сознания того, что наступил Новый год, я погрузился в меланхолию, стоя в траншее рядом со своими двумя товарищами. Мои мысли бродили где-то далеко. Внезапно из русской траншеи, по другую сторону железной дороги, ход моих мыслей прервал хриплый гортанный голос одного из наших противников:

– Камрад, почему ты такой грустный? Сегодня на обед снова давали капустный суп, ведь так?

Слова звучали медленно на ужасном ломаном немецком языке, но вполне дружелюбным тоном. В тишине яркой ночи они доносились до нас так ясно, как будто русский был здесь, среди нас троих, на пулеметной позиции. Пулеметчик схватил меня за руку, и мы оба в изумлении посмотрели друг на друга. Впервые за три с половиной года войны мы вступили в разговор с большевиком, здесь, на безлюдном клочке

земли! Эта война была такой ожесточенной, что здесь никогда не бывало таких случаев, как во время Первой мировой войны, когда солдаты воюющих сторон переговаривались из траншей друг с другом во время пауз между боями.

Когда мы пришли в себя от изумления, то начали громко смеяться, и этот смех распространился и на другие передовые позиции, где тоже слышали голос русского. Низкий голос, жуткий акцент и общая для всех солдат тема об их еде, о надоевшем всем капустном супе, – все это вызвало комический эффект. Пулеметчик рядом со мной дал в небо громкую очередь, и на несколько следующих мгновений повсюду по соседству зазвучал треск очередей автоматического оружия, выпускаемых прямо перед собой, в открытое пространство.

– Почему ты стреляешь, камрад? – спросил тот же голос с русской стороны.

– Если ты придешь сюда и сыграешь нам на губной гармошке, я больше не стану стрелять, – пообещал пулеметчик.

Мы осторожно и пристально вглядывались вперед. Это мог быть просто трюк, чтобы заставить нас потерять бдительность. Никогда нельзя ничего знать наперед. Коварство большевиков часто доставляло нам неприятности.

Ночное небо было теперь совершенно безоблачным, и яркий холодный лунный свет, который усиливался, отражаясь от сверкающего снега, освещал окрестности почти как днем. Все, кто находился на передовых постах вокруг, слышали

диалог между этими двумя, и теперь ждали ответа от русского, не ослабляя, впрочем, внимания на том, что происходило на их участках. С другой стороны слышалось какое-то одобрительное бормотание. Вне всякого сомнения, предложение с нашей стороны сейчас обдумывалось. Затем на той стороне установилась тишина. Через широкие раскрытые двери товарного вагона, лежавшего на железнодорожном пути между нами и их «гнездом», я увидел, как там, на фоне сверкающего снега на земле, ясно появилась голова. Затем возникла пара плеч, и, наконец, мы действительно увидели направлявшегося к нам в полный рост солдата Красной армии, который карабкался по железнодорожной насыпи. За ним следовали еще две фигуры.

Добравшись до вагона, первый подул в губную гармошку и извлек из нее что-то похожее на мелодию, должно быть, чтобы убедить нас, что заказанная музыка уже на подходе. Все трое безуспешно пытались взобраться на остов вагона. Очевидно, в их желудках плескалось слишком много водки. Но, в конце концов, это был Новый год, праздник, который бывает только раз в году. Даже на нашей стороне все пребывало во вполне благодушном настроении, в большой степени из-за благотворного воздействия напитков вроде Steinhager, Korn, Stargarder, Kummelschnapps, а также вина. Все это мы получили в рождественских посылках. Подвыпившие (мягко говоря, их состояние можно было обозначить таким образом) большевики под дружный хохот оставили попытки взо-

браться на разбитый товарный вагон и вместо этого обошли его и оказались прямо перед нами.

Первая мелодия была монотонной и грустной, с характерными русскими переливами и руладами. Лица этих троих были в тени, но я мог хорошо разглядеть укутанные в толстый слой одежды, крепкие коренастые фигуры. Неожиданно музыка сменилась на более жизнерадостную. Как мне показалось, это было что-то вроде казачьего танца. Второй номер нашего пулеметного расчета принялся подпрыгивать в такт музыке сразу на обеих ногах, чтобы согреться, но ему пришлось вскоре оставить эту затею, так как темп музыки становился все более быстрым. После дикого крещендо музыка оборвалась.

Русский, стоявший посередине, попытался отвесить глубокий поклон, но не удержал равновесие и упал. Часовые с обеих сторон разразились громким хохотом. С большим трудом ему удалось снова встать. Очевидно, солдата обидел этот смех. Когда каким-то образом с помощью товарищей он все же оказался на ногах, послышался голос четвертого русского с передовой позиции по ту сторону насыпи – он отпустил сальную шутку относительно отдельных частей тела своего товарища, смысл которой мог без труда понять любой ветеран на нашей стороне. После этого над открытым пространством, подобно урагану, вновь поднялся громогласный хохот, который эхом отдавался в развалинах позади нас. Он сопровождал трех новогодних «музыкантов», которые рука об

руку, спотыкаясь, пустились в обратный путь на свою сторону.

Командир роты, который слышал всю эту возню, когда стоял погрузившись в философские раздумья у двери своего бункера, подошел к нам по ходам сообщения, чтобы узнать, что происходит. Пораженные столь ярким событием, мы трое в один голос принялись рассказывать ему о выходе большевиков под Новый год. Прослушав удивительную историю, командир, смеясь и размахивая руками, воскликнул:

– Я слышал о подобных вещах, но что такое может приключиться здесь, во время войны с таким фанатичным врагом, да еще на участке, который держим мы, солдаты СС, которых ненавидит каждый правоверный большевик, звучит, как байки скандинавских моряков!

Потом он задумчиво покачал головой:

– Меня удивляет, что иваны вытворяют такое. За всем этим неожиданным благодушием должно быть что-то еще. – Он посмотрел в установленное в окопе зеркало, медленно повернул его в разные стороны, изучая местность прямо перед нами и за ближайшими к нам передовыми позициями русских, и проговорил в сомнении: – Черт возьми, ребята! Держите свои глаза и уши широко открытыми! – И вернулся к себе в бункер.

Разговоры на ничейной земле возобновились. Мы болтали о том о сем. Пришел черед обсудить рождественские подарки. Было ясно, что и в Красной армии солдаты получи-

ли что-то, помимо своего обычного жалования, и это при том, что советские люди были безбожниками³. Затем начался оживленный обмен мнениями о том, какие прекрасные подарки получили там солдаты на Рождество. Когда они с энтузиазмом начали расписывать богатство содержимого своих рождественских наборов, мы смеялись, будучи все же слегка уязвленными. А потом решили убить их полным списком того, что прибыло в наших собственных посылках на Рождество. Естественно мы сильно приукрашивали качество и количество того, что было получено на самом деле. Эффект был заметным.

Но большевики держались твердо. Мы уже имели возможность убедиться в этом за прошедшие три года боев. Казалось, что даже здесь они не желали сдаваться, не попытавшись «контратаковать». После нескольких минут невнятного бормотания с их стороны снова слышались громкие голоса, звучавшие с новой силой. Но мы уже раскусили их. Они зашли слишком далеко в своих смелых преувеличениях, но все же нельзя не отметить, что они сумели несколько улучшить свое общее положение. Похоже, что в нашей беседе наступил пат.

Затем вдруг быстро и неожиданно было принято окончательное решение. Одна старая дама из Вестфалии вручила нам «оружие победы» – пару тапочек, которые оказались в

---

³ Преобладающая часть солдат Красной армии были верующими, в основном православными.

посылке одного из караульных на позиции слева от нашей. Он не мог себе представить, что делать с этим неожиданным даром. Поэтому поделился с большевиками новостью о полученном прекрасном рождественском подарке. После всеобщего удивления на противоположной стороне, наконец, последовал вопрос:

– А что такое тапочки?

Один из наших товарищей, который понимал по-русски немного больше, чем остальные, объяснил, что же это такое.

– Туфли, туфли! – кричал он на своем «свободном русском языке» и после этого пытался дать дополнительные объяснения.

Но солдаты Красной армии и так были поражены в самое сердце этим чудом. Многие из них не знали, что такое «туфли». Бедные черти! У них никогда не будет ни денег, ни возможности приобрести в советском «раю» для рабочих и крестьян пару туфель, даже если им вообще посчастливится вернуться домой с войны на своих ногах!

Триумф был полным. Можно было говорить о полном разгроме, потому что наши оппоненты казались абсолютно убитыми. Представляю, какое тепло почувствовала бы та старая женщина из Вестфалии, если бы следующей полевой почтой она получила письмо, где прочитала бы о той великой моральной победе, которую она помогла нам одержать.

Эти бедняги из Красной армии не хотели проигрывать. И начали говорить грубости и глупости. Стали спрашивать ад-

реса девушек в Берлине, которых намеревались вскоре посетить, обещали нам обеспечить сносное существование в Сибири. Пулеметчик в нашем окопе расценил как последнюю каплю восклицание одного из русских: «Гитлеру скоро капут!»

– Эй, отправь новогоднюю открытку этому бандиту из Грузии, засевшему в Кремле. И скажи ему, что скоро мы снова отправимся на восток со своими «Королевскими тиграми». Тогда он уж точно заткнется! – выкрикнул он в ответ.

Эта «находка» по поводу «Королевских тигров», 69-тонных тяжелых танков, которые не брали ни русские, ни английские, ни американские снаряды⁴, похоже, произвела эффект, потому что большевики снова «обмякли». Они предложили обмен рождественскими подарками. Особенно им хотелось поменяться с нами табаком и сигаретами. Но их махорка, что-то вроде трубочного табака, ужасная коричневая

---

⁴ Здесь видна работа геббельсовской пропаганды, которой многие немцы (как автор) верили даже в начале 1945 г. Танк «Тигр II» («Королевский тигр») весом 69,8 тис 88-мм скорострельной пушкой длиной 71 калибр, с лобовой броней до 180 мм был очень опасным противником в бою. Но 85-мм пушка танка Т-34-85 поражала его в борт с расстояния 600—1000 м, а в лоб «Тигр II» также поражался снарядами 122-мм пушки ИС-2, хотя и с трудом, при попадании в стыки сварных бронелистов, в маску пушки и др. Но из-за большого веса маневренность «Тигра II» была невелика, зачастую эти танки бросались экипажами из-за невозможности отойти (мосты не выдерживали), как во Франции к западу от Сены или в Венгрии. Наконец, «Тигров II» было выпущено всего 489 штук, а, например, ИС-2 – 3475. И качество брони к концу войны (из-за нехватки молибдена и никеля) у «Королевских тигров» снизилось – она раскалывалась под ударами крупнокалиберных снарядов.

субстанция, которую нам приходилось иногда пробовать, когда не было другого выхода, и по которой мы начинали с презрением судить о России... нет, мы не хотели такого обмена!

– Очень хорошая марка папирос, «Авиатик», – выдал один из голосов, обращавшихся к нам с той стороны от железнодорожной насыпи.

«Авиатик» у русских считался одной из лучших марок табака.

– Хорошо! Получишь пачку прекрасного немецкого табака за четыре пачки своего «Авиатика», – решил один из наших товарищей, который уже долго тщетно пытался обменять пачку этого табака, пересушенного и мелкого, как пыль, у нас в роте. Но в любом случае этот табак был лучше, чем русская махорка, так что он собирался поступить с большевиками вполне по-честному.

Они оба выбрались из траншеи и приблизились друг к другу. Это была странная встреча между Востоком и Западом. Высокий солдат СС был одет в белый маскировочный камуфляж, он держался уверенно и невозмутимо, будто смерти и не существовало, как бы подтверждая старый девиз «*morituri te salutant*»⁵. Коренастый солдат Красной армии, внешне похожий внешностью на эскимоса, был в ватнике; он имел какую-то качающуюся, дерганую походку. Не успели они подойти друг к другу, как откуда-то с дальнего поста засвистела пуля: там наверняка не знали, что проис-

---

⁵ Идущие на смерть тебя приветствуют (*лат.*).

ходит, и не стали раздумывать, увидев две фигуры на снегу. Оба гигантскими прыжками бросились наутек друг от друга и под сопровождение вспышек с обеих сторон скрылись в укрытиях.

— Ну, теперь-то ты точно наделал в штаны! — сразу же крикнул кто-то вернувшемуся бойцу, попытка обмена которого закончилась так неудачно.

Но тот, очевидно испытывая чувство досады и злости за свой недавний страх, лишь невнятно что-то пробурчал в ответ, явно нечто непристойное.

Пока мы так, «как в мирное время», общались со смертельным врагом, о том, что происходит на нашем участке, успели доложить в штаб дивизии. Заподозрив, что это может нанести ущерб, командир дивизии отдал приказ нацелить все имеющееся оружие на участок перед нашим сектором обороны в готовности немедленно открыть огонь, если произойдет что-то непредвиденное. Но вокруг было все так же тихо и мирно. Постепенно установилась тишина. А вскоре наступил рассвет, и большевикам с передовой позиции пришлось отправляться назад, если они не хотели в качестве трупов улечься в промерзшую землю Курляндии.

Глава 2

Курляндия. Финал

Еще несколько дней наша рота оставалась у той безжизненной груды камней возле поселка Бункас, крошечной, будто дерьмо мухи, точки на карте. За это время ничего особенного больше не случилось. Пулеметная позиция, которую Иванам удалось расположить так, что она доставляла столько хлопот командирскому бункеру, ушла в небытие: новогодний привет от наших минометов.

2 января из штаба дивизии поступил приказ захватить на участке перед нашим сектором пленных. Из сектора южнее нашего куда-то испарилась целая русская армия, и поскольку в штабе ожидали, что в ближайшее время против нас начнется большое наступление русских, то там считали, что исчезнувшая армия теперь занимала фронт перед нами. В штабе хотели точно прояснить обстановку.

Разведывательная группа из восьми солдат нашей роты отправилась на задание. Их целью была русская пулеметная позиция возле группы деревьев примерно в ста метрах перед нашей линией обороны. Перед этим мои добрые 81-мм минометы начали вести заградительный огонь в тылу цели и на ее флангах. После того как к нам присоединились тяжелые артиллерийские орудия наших пехотинцев, расчет русского

пулемета оказался практически отрезанным от своих товарищей. На рассвете в закамуфлированных под снег нарядах разведгруппа отправилась туда.

Пока минометы и пушки гвоздили солдат-красноармейцев, наша группа быстро прокладывала себе путь вперед. Все шло прекрасно вплоть до момента последнего броска. Тогда, когда наши солдаты преодолевали последние метры, чтобы овладеть русскими пленными, вдруг выяснилось, что земля вокруг заминирована. Одна за другой мины стали взрываться. Русские насторожились и попытались спастись бегством. Один из наших солдат сумел поймать убежавшего русского за ногу, но тут же сам наступил на мину. Мы потеряли одного человека, а оставшиеся семеро вернулись, не выполнив задачи и получив ранения различной тяжести.

Следующей ночью роте, стоявшей по соседству с нами, было поручено выполнить ту же задачу. Их группа оказалась более удачливой, и им удалось захватить какого-то русского. Но по дороге обратно, к нашим окопам, русскому, которого всего лишь на один момент оставили без опеки, удалось выхватить спрятанный нож и перерезать себе горло. Он умер, не издав ни звука. Двое солдат-эсэсовцев, сопровождавших его, оказались полностью забрызганы кровью.

Через два дня мы снялись с позиций и оставили Бункас, превратившийся в настоящую смертельную ловушку. Он лежал на открытом пространстве, и мы не имели связи с тылом, за исключением ночного времени. Нам повезло, что мы

убрались оттуда до того, как иваны закончили приготовления к большой атаке на этом участке, которая, как мы знали, должна была вот-вот начаться. Вместо нас кому-то другому пришлось принять тот удар на себя, и как я позже узнал, вряд ли кто-нибудь из тех, кто сменил нас на позициях, вернулся оттуда живым.

5 января был днем отдыха. Мы не несли караульной службы в замерзших до состояния скальной породы окопах и «ли-
сских норах», где каждый чувствовал, как холод постепенно, сантиметр за сантиметром, ползет по твоим ногам. Ни артиллерийских обстрелов, ни коварных снайперов, ни внезапно сваливающихся на вас с неба истребителей. К тому же можно было как следует помыться, побриться и растянуться лежа в тишине и покое с зажатой между отмытыми пальцами сигаретой. Выматывающее и давящее чувство опасности фронта осталось где-то далеко. Было прекрасно получить возможность сбросить завшивевшую форму и дать коже почувствовать на себе чистое нижнее белье. Потратив какое-то время на чистку оружия, мы отправились во фронтовой кино-театр. Звуки фронта доносились до нас лишь в виде како-го-то невнятного бормотания. Там во второй половине дня русская артиллерия на своих стволах начала исполнять гроз-ную увертюру, предвестник начинающегося наступления.

В хорошо прогретом помещении кинотеатра на белом экране шла кинохроника, в выпуске последних новостей по-казывали эпизоды из жизни других фронтов. Там мы видели

хорошо одетых, чистых, досыта накормленных солдат, которые жили в удобных помещениях с коврами, стульями, горящими электрическими лампами, книгами и музыкой. У них была хорошо приготовленная пища, которую подавали на посуде тонкого фарфора с серебряными приборами и белыми скатертями. Для нас, солдат-фронтовиков, это было похоже на сон. Месяц за месяцем мы не имели крыши над головой, скорчившись, лежали на замерзшей земле, в грязи и снегу. Смерть была нашим постоянным спутником, и все это время мы видели рядом с собой только таких же солдат в полевой форме. Небритые, грязные и смертельно уставшие, доведенные непрекращавшимися боями до критического состояния.

На следующий день солдаты нашей роты, после того как они имели возможность спокойно проспать всю ночь, не потревоженные грохотом боев и ожиданием вражеского нападения, вновь отправились на фронт для выполнения новых задач. Короткий отдых помог нам восстановить силы, и после прибытия на отведенный нам участок в районе Приекуле (Прекуле) примерно в сорока километрах юго-юго-восточнее города-порта Либау (Либау) мы, как могли, начали обустриваться на новом месте. Моему взводу была назначена позиция за одной из высоток. Помимо 81-мм минометов, у нас было примерно 30 единиц нового ракетного оружия, прозванного солдатами «пехотными «Штуками»⁶. Этот

---

⁶ Сравнение с пикирующим бомбардировщиком «Юнкерс-87» «Штука».

вид вооружения устанавливался на деревянном станке и вел стрельбу реактивными снарядами калибром 280 мм и весом 82 кг. Пуск осуществлялся с помощью электропривода.

Первые несколько дней в Приекуле выдались спокойными, но однажды утром вокруг нас разверзся ад. С неожиданной яростью начали свое безжалостное ритмичное пение «сталинские органы»⁷. Налет продолжался несколько дней с небольшими перерывами, когда русская пехота пыталась прорвать оборону на нашем участке. Позиция наших минометов стала одной из главных целей этой огненной бури. Все ближе и ближе, с интервалом всего около метра, часто и плотно падали снаряды «сталинских органов». Когда же к обстрелу присоединилась артиллерия, стало почти невыносимо лежать, вжавшись в землю, не зная, что тебя ожидает потом. Земля вокруг содрогалась, бревна в землянке скрипели и стонали от близких разрывов, через щели внутрь падала мерзлая земля.

К полудню огненный ураган достиг апогея; теперь все понимали, что основной целью является рота, занимавшая позиции слева от нас. В самый разгар этого безжалостного обстрела был получен приказ открыть в ответ огонь из наших минометов. Единственное, что нам оставалось делать, – это глубоко вдохнуть и бегом броситься в этот ад. Рельеф местности вокруг стал совершенно другим. Небольшие неровно-

---

⁷ Так в вермахте называли советские многозарядные установки реактивных снарядов, за которыми в Красной армии закрепилось имя «Катюша».

сти, которые еще встречались здесь до начала артиллерийского обстрела, были перепаханы снарядами из орудий Иванов, и теперь нас окружал совсем другой ландшафт. Воронки от разрывов снарядов лежали рядом одна с другой, как дыры в швейцарском сыре. Я увидел, что один из минометов получил прямое попадание прямо в ствол и теперь его останки висели над станком, как банановая кожура. Остальные минометы пережили обстрел, так же как и запас из примерно 150 выстрелов к ним. Мины лежали в готовности послать Иванам грозный привет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.